

И. Я. КАЧАЛОВА

К ИСТОРИИ НЫНЕ СУЩЕСТВУЮЩЕГО ИКОНОСТАСА УСПЕНСКОГО СОБОРА

Первые сведения об иконостасе Успенского собора Московского Кремля относятся к 1481 г., когда по заказу ростовского архиепископа Вассиана художники Дионисий, Тимофей, Ярец и Коня написали «деисус... чудно вельми и с праздники и с пророки»¹. Этот иконостас не сохранился и известен лишь по описям Успенского собора начала XVII в., 1627 и 1638 гг.². Он состоял из 21 иконы деисусного чина, 25 праздничных икон, 15 пророческих и 21 праотеческой. Между иконами праотеческого чина на деревянных «столицах» были размещены 43 херувима и серафима. В состав деисусного чина входили традиционные для иконно стасов XV—XVI вв. изображения святителей (упоминается Леонтий Ростовский) и столпников (Даниил и Никита). Иконы трех нижних ярусов были покрыты серебряными басменными окладами, иконы праотеческого чина и деревянные тябла — «немецким железом», причем описи отмечали ветхость этих окладов.

В описи 1701 г.³ фигурирует уже другой иконостас, существующий в Успенском соборе и в настоящее время. Он состоит из четырех рядов и насчитывает 69 икон — по 17 икон в деисусном, пророческом и праотеческом рядах и 18 в праздничном. Верхние края икон праотеческого чина имеют форму кокошников. В целом, по размеру и форме, этот иконостас близок к иконостасу Смоленского собора Новодевичьего монастыря, написанному в конце XVI в.⁴. Иконостас Успенского собора пострадал во время войны 1812 г., когда были содраны все серебряные оклады. Исчезли при этом и две иконы праздничного ряда — «Благовещение» и «Снятие с креста». При реставрации собора в 1813—1815 гг. утраченные иконы были заменены новыми, написанными на холсте, а оклады были сделаны вновь по старым рисункам. Лишь кое-где на фонах икон верхнего ряда сохранилась басма XVII в. Живопись икон неоднократно поновлялась. Последний раз иконы были прописаны в 1896 г.

Существующий в этом виде иконостас Успенского собора мало привлекал внимание исследователей. Авторы многочисленных описаний собора, начиная с А. Левшина⁵, лишь мимоходом упоминали о его создании и перечисляли иконы. Первые относительно подробные сведения появились в работах И.М. Снегирева⁶. Дату создания иконостаса, ссылаясь на издание «Повседневных дворцовых записок», он связал с освящением Успенского собора 9 сентября 1652 г. «Но как видно из дел Патриаршего приказа 1658 года,— пишет далее: автор,— возобновление икон в собор продолжалось: большие иконы в собор писали иконописцы Троице-Сергиева монастыря Федор Кондратьев, Лука Афанасьев, Яков Григорьев»⁷. Мы подробно останавливаемся на этом замечании И.М. Снегирева, поскольку, видимо, именно отсюда проистекает утвердившееся в наши дни мнение о времени написания икон Успенского иконостаса и об их авторах.

Спустя полвека А.И. Успенский посвятил иконостасу статью ⁸, где, ссылаясь на документы архива Оружейной палаты, доказывал, что иконостас был написан в 1653 г., и называл имена нескольких мастеров. Успенский, как и Снегирев, новое освящение собора связал с созданием иконостаса, но предположительно перенес его на 1653 г.

Датировку Успенского приняли Н.А. Скворцов ⁹ и А.И. Некрасов ¹⁰. Последний приводит перечень работ в соборе в середине XVII в., а также называет причину освящения собора 9 сентября 1652 г. со ссылкой на «Новый летописец по списку Оболенского»: «7161 (1652. — И.К.)... того же месяца сентября в церкви Великой Успения Пресвятой Богородицы переделывали святой престол и приделывали к престолу две ступени. И сентября же в 9 день церковь Успения... святили, а мощи отца нашего Петра митрополита... из алтаря соборной церкви передвинули в придел святых апостол Петра и Павла» ¹¹. Позже в научных исследованиях вопрос об иконостасе Успенского собора не поднимался, а в популярных описаниях и путеводителях утвердились 1652 г. и имена мастеров Троице-Сергиева монастыря Федора Кондратьева, Луки Афанасьева и Якова Григорьева ¹². И только В.Н. Крылова в исторической справке, приложенной к отчету о реставрации стенописи Успенского собора в 1949—1950 гг., называет 1653 г. и мастеров из Осташкова - Сампсона и Потапа Сергеевых ¹³.

Между тем, вопреки такому невниманию исследователей, создание нового иконостаса в кафедральном Успенском соборе стоит в ряду крупных политических событий середины XVII в. и является одним из мероприятий церковной реформы. Вопрос о реформе православной церкви был одним из важнейших в политической жизни России XVII в. Эта реформа была продиктована необходимостью подчинить церковь общегосударственной системе централизации, а также стремлением усилить влияние русской церкви в Греции и южнославянских странах. В XVII в. оживала старая идея византийского наследия, идея «третьего Рима». Церковная реформа начала подготавливаться уже в 40-е гг.

Одним из видных деятелей московского кружка «ревнителей благочестия» с 1646 г. стал архимандрит Новоспасского монастыря, а позднее новгородский митрополит Никон. Еще при жизни патриарха Иосифа возникла мысль о возведении Никона па патриарший престол. «Сложилось мнение, что только такой человек, как Никон, обладавший железной волей, верящий в свое высокое назначение, ставший преданным сторонником преобразований церковной жизни по греческому образцу, сможет успешно осуществить политическую реформу» ¹⁴.

Первые мероприятия Никона, проведенные еще при жизни патриарха Иосифа, были направлены на то, чтобы подчеркнуть особое место церковных иерархов, их превосходство над светской властью. В марте — июле 1652 г. состоялось торжественное перенесение в Успенский собор мощей митрополита Филиппа Колычева и патриарха Иова. На торжественной церемонии положения мощей Филиппа, поставленных на почетном месте у иконостаса, царь Алексей Михайлович униженно просил перед ними прощения за грехи Ивана Грозного, совершенные «неразумно, завистью и несдержанной яростью» ¹⁵.

15 апреля 1652 г. умер престарелый патриарх Иосиф, а 26 июля в необычайно торжественной обстановке на патриарший престол был возведен Никон. Царь, митрополиты и бояре долго умоляли его принять высокий сан, «царь прислонися к земле, и припадаше со всем народом со слезами молиша нас, яко да будем началопастырем»¹⁶. Никон при этом потребовал «послушати во всем, яко начальника и пастыря и отца краснейшего... о догматах Божиих и о правилах»¹⁷. Сознвая важность возложенной на Никона миссии, правительство стремилось всячески возвысить его авторитет.

Никон начал с украшения главного православного храма России — кремлевского Успенского собора. Уже в октябре 1652 г. последовал указ царя «в церкви Пречистые Богородицы Успения большого собора деисусы и праздники и пророки и праотцы и местные иконы обложить серебром чеканным оклады и позлатить»¹⁸. Среди документов Оружейной палаты, собранных А. И. Успенским, приводятся сведения об этой работе¹⁹. Но в марте 1653 г. был издан другой указ: «В церкви Пречистые Богородицы Успения большого собора деисусы и праздники и пророки и праотцы написать вновь, а к тому делу указали есмя иконописцев священнического и иноческого и всяких чинов людей, чей кто ни будет взят... в Москву из городов»²⁰. Работа предстояла значительная по объему — написать около семидесяти икон, самая большая из них — «Отечество» в праотеческом чине достигает в высоту 5 метров. Работы были проведены в чрезвычайно короткий срок — несколько месяцев, о чем можно судить по датированному январем 1654 г. царскому ответу на челобитную ярославских художников, которые были «взяты в Москву к иконному письму в церковь Пречистые Богородицы Успения большого собора, и от того соборного письма отделались (закончили работу. — *И.К.*)»²¹.

В трех документах, связанных с написанием иконостаса, приведены имена живописцев²². Это — ярославцы Иван Тимофеев, Севастьян Дмитриев, Иосиф Володимиров (Владимиров), Иван Козлов, Лариои Семенов, Федор Попов, Константин и Василий Ананьины, костромичи Василий Ильин, Марк Яковлев, Семен Павлов, Григорий Нестеров, Никифор Михеев, Иван Степанов и осташковцы Сампсон и Потап Сергеевы. Некоторые из этих мастеров — Иосиф Володимиров, Иван Козлов, Константин Ананьин и другие — были взяты из Архангельского собора Кремля, где в это время писали фрески. Несколько художников в 1642 — 1643 гг. принимали участие в настенных росписях Успенского собора, а Василий Ильин был при этом знаменщиком. Позже многие из них работали в Саввино-Сторожевском монастыре. Поскольку сведения об иконостасе Успенского собора отрывочны и связаны только с иногородними мастерами, можно предположить, что во главе бригады стояли царские и патриаршие иконописцы, также работавшие в это время в Архангельском соборе. Древняя живопись икон скрыта под записями конца XIX в., но особенности иконографии позволяют предположить, что она близка к стенописи Успенского собора 1642—1643 гг.

Одновременно с написанием новых икон была переделана вся конструкция иконостаса, поднят уровень пола в алтаре и устроена со-

лея. Павел Алеппский, посетивший Москву в 1655 г., подробно описал «величественный иконостас, которому нигде нет подобного по обширности, ширине и высоте», причем отметил, что «он новый, его соорудил в недавнее время патриарх Никон»²³. Показывая иноземным гостям иконостас, Никон обратил их внимание на массивный серебряный оклад и назвал суммы, затраченные на него. Этот факт, несомненно, свидетельствует о том большом значении, которое придавал Никон созданию нового иконостаса в Успенском соборе. И не случайно указ о написании новых икон совпал с началом церковной реформы 14 марта 1653 г., когда по церквам была разослана «память» о поклонах и троеперстии. Иконостас 1653 г. отличается по составу икон от предшествующего. Впервые на Руси в деисусном чине вместо традиционных святителей и мучеников появились изображения двенадцати апостолов, обычные для иконостасов Греции и Балканских стран²⁴, что, несомненно, также было сделано сознательно.

Вскоре после замены верхних ярусов иконостаса, в 1655 г., был изменен состав местного ряда. Инициатором этого был антиохийский патриарх Макарий, к которому обратился Никон, чтобы получить сведения об обрядовой практике греческой церкви. В феврале 1655 г. Макарий и его свита торжественно прибыли в Москву. В мемуарах Павла Алеппского, сопровождавшего Макария, приведены сведения об изменениях в местном ряду иконостаса Успенского собора: «Во всех московских церквах существует такой обычай, что икону Владычицы ставят справа от жертвенника, а икону Троицы слева. Но наш владыка патриарх под конец посоветовал им, и Никон уничтожил прежний обычай и сделал по-нашему и это по той причине, что патриарх Никон чрезвычайно любящий греческие обряды... Как только наш владыка сказал им об этом, тотчас Никон вынул эту икону (Владимирскую Богоматерь.— *И.К.*) с ее шкафом с этой стороны и поставил налево на место Троицы, и на ее место греческую икону Спасителя, принеся ее из конца ряда. Так сделал он и в большинстве церквей»²⁵. Справа от царских врат была поставлена икона «Спас на престоле», известная под названиями «Спас Мануила» или «Спас Золотая риза». Она была привезена в Москву в 1562 г. Иваном Грозным из новгородского Софийского собора. С этой иконой связана легенда начала XVI в., подчеркивавшая неподсудность церковных иерархов светской власти²⁶. Конечно, не случайно Никон выбрал именно ее для помещения в центре местного ряда Успенского иконостаса. Об этом говорит тот факт, что в 1659 г. в письме к царю из Воскресенского монастыря Никон, защищая свою позицию, ссылаясь на эту легенду об императоре Мануиле и на саму соборную икону²⁷.

Таким образом, создание иконостаса Успенского собора было частью церковной реформы патриарха Никона. Как и другие его мероприятия, это детище, несмотря на постигшую патриарха опалу, получило свою жизнь. Иконостас Успенского собора становится образцом для всей России. По составу и иконографии к нему близки иконостасы Архангельского собора Кремля, московских дворцовых церквей, Успенского собора Троице-Сергиева монастыря и другие. Характерно, что в 1664 г. при оформлении церкви святой Екатерины в Большом Кремлев-

ском дворце Симон Ушаков получил задание «написать вновь деисус и. праздники и пророки и праотцы против того переводу, как деисус написан в Большом Успенском соборе»²⁸.

Несомненно, сам иконостас кремлевского Успенского собора, являющийся памятником сложной политической и идеологической борьбы середины XVII в. и по своему составу дошедший до наших дней почти без изменений, требует более пристального внимания исследователей.

1. Львовская летопись, ПСРЛ, т. XX, стр. 347.
2. Описи Московского Успенского собора, составленные в начале XVII в. и в 1627 г.— РИБ, СПб., 1876, т. III, стлб. 308, 309, 413, 414.
3. Опись Московского Успенского собора, составленная в 1701 г. — РИБ, т. III, стлб. 509—600.
4. Д.К. Тренев. Иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря. М., 1902.
- б. А.Г. Левшин. Историческое описание первопрестольного в России храма Большого Успенского собора в Москве. М., 1773, стр. 217—222.
6. И.М. Снегирев. Памятники Московской древности. М., 1842—1845, стр.4; И.М. Снегирев. Успенский собор в Москве. М., 1856, стр. 13—20; Повседневных, дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича записок, ч. 2, 1769, стр. 167.
7. И.М. Снегирев. Успенский собор., стр. 14.
8. А.И. Успенский. Из истории иконостаса Успенского собора в Москве. — «Древности». Труды ИМАО, т. XVIII, М., 1901, стр. 37—42.
9. Н.А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 229.
10. А. И. Некрасов. Возникновение московского искусства. М., 1929, стр. 58.
11. Новый летописец по списку Оболенского. М., 1853, приложение 1, стр. 12—13.
12. Художественные памятники Московского Кремля. М., 1956, стр. 36; А. Гончарова, О. Зонова, А. Хамцов. Древние соборы Кремля. М., 1960, стр. 28; Л. Писарская, И.Родиmicев а. Московский Кремль. М., 1971, стр. 16.
13. В.Н. Крылова. Отчет о реставрации стенописи Успенского собора в 1949—1950 гг. Рукопись. АМК.
14. Н.В. Устюгов, Н.С. Чаев. Русская церковь в XVII в.—«Русское государство в XVII в.». М., 1951, стр. 307.
15. История СССР, т. III, М., 1967, стр. III.
16. Письмо патриарха Никона к цареградскому патриарху Дионисию.— «Записки» ОРСА ИАО, т. II, СПб., 1861, стр. 512.
17. Там же. стр. 513.
18. А.И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII в.—«Записки Имп. Московского археологического института», т. 32, М., 1913, стр. 117.
19. Там же, стр. 117.
20. Там же, стр. 119.
21. Там же, стр. 121.
22. Там же, стр. 117—122; И. Е. Забелин. Материалы для истории русской иконописи.— «Временник», МОИДР, кн. VII, М., 1850, стр. 15—16.
23. Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. III. М., 1898, стр. 104—105.
24. Л.В. Бетин. Исторические основы древнерусского высокого иконостаса.— «Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств. XIV—XVI вв.». М., 1970, стр. 57.
25. Указ. соч., стр. 104.
26. В.Г. Брюсова, Я.Н. Щапов. Новгородская легенда о Мануиле, царе- греческом.— «Византийский временник», т. XXXII, М., 1971, стр. 85—103.
27. Там же, стр. 95—96.
28. И.Е. Забелин. Материалы, стр. 51—52.